

Эксклюзив

Собственно, перечислять все его регалии практически невозможно, их — великое множество. Назову только самую малость. Заслуженный деятель искусств России, председатель творческого совета Международных программ Российского фонда культуры, директор и художественный руководитель творческого телевизионного объединения «Музыка в эфире», вице-президент обществ дружбы Россия — Польша, Россия — Бельгия... С момента основания «Москвички» состоит в ее редакционном совете и отнюдь не в роли «свадебного генерала».

...Он давно уже встречается нас с телеэкрана как добрый друг и советчик — ненавязчивый, корректный, интеллигент в высшей степени. И — необыкновенно обаятельный человек. Он смеется: — Мои усы уже примелькались на телевидении еще до появления «Музыки в эфире»... А ведь в самом деле мы знакомы со Святославом Бэлзой как

зрители уже больше двадцати лет. А читатели зарубежной литературы, например, Жюль Верна, Дюма, Уайльда и едва ли не всех современных поляков знают его еще дольше по ярким предисловиям ко многим изданиям и собраниям сочинений. И когда я просто в упор потребовала от Святослава Игоревича, чтобы он сказал, что бы в самом насыщенном случае выбрал — музыку или литературу, он ответил... что все-таки литературу. И с улыбкой добавил — то ли в шутку, то ль всерьез:

— Я пишу лучше, чем говорю...
А он все, к чему ни обращается, делает прекрасно. За это мы его и любим и всегда рады видеть вновь и вновь. И слушать, и читать. Короче, Бэлза стал нужен всем нам, и это очень серьезно.

...Сначала мы углубились в разговор о роли интеллигенции. Как он зашел, этот разговор, не помню, я сказала что-то про рафинированную интеллигентность моего собеседника.

Фото
В. АХЛОМОВА

СВЯТОСЛАВ БЭЛЗА:

**«НЕ КАРЬЕРА,
А ЖИЗНЬ...»**

— Вы мне льстите, — ответил он очень мягко и уверенно. — В наше время, мне кажется, есть только последние могоикане, если говорить об истинной интеллигенции. Такие, как Дмитрий Сергеевич Лихачев. И не только он. У всех на виду такие вот фигуры, и к их числу безусловно относится мой покойный батюшка. И ваш — тоже. Нам обоим повезло с происхождением. И все-таки, сравнивая себя со старой интеллигенцией, должен признаться, что богатыри — не мы... Замечательно сказал Лихачев о том, что можно прикинуться щедрым, будучи жадным, можно прикинуться добрым, будучи злым, но нельзя прикинуться интеллигентным. И в связи с этим мне вспомнилось прелестное высказывание лорда Сноу о том, что интеллигентия воспитывается, как английский газон, — многими десятилетиями, если не сказано больше. Есть, конечно, интеллигенты, которые сами себя сделали, как Шукшин. Но все-таки больше верю в интеллигентию потомственную, но исключаю и другие пути ее становления. Вообще это разговор долгий, но приятно вспоминать, что слово «интеллигентия» русского происхождения, его ввел в наш обиход в шестидесятых годах прошлого века публицист Боборыкин...

— Если мы не станем вдаваться в корни происхождения интеллигенции, но поставим вопрос о роли интеллигенции сегодня, что бы вы мне ответили?

— Ну, прежде всего надо разделить понятие интеллигента и «работника культуры». Затем общеизвестно, что к интеллигенции обращаются в период каких-то кризисов. Интеллигентность — понятие многогранное, оно вбирает в себя и нравственные основы, и духовные, и интеллектуальный потенциал. В нормальных условиях позиция интеллигента должна быть активной: не только облагораживать нацию, но и способствовать ее развитию. Интеллигент, как правило, должен о державе думать, о служении отечеству в высоком смысле.

— Он должен быть пророком в своем отечестве?

— Должен бы... Но не каждому это по плечу. Каждый несет свой крест, но не каждый падает под его тяжестью... Еще всегда актуальная проблема «художник и власть». Сейчас она тоже очень важна, и примеров тому немало. Я говорю о художественной интеллигенции, потому что она мне ближе, но интеллигентия не замыкается на культуре и искусстве.

— Вам не кажется, что сегодня роль интеллигенции значительно возрастает? Да и момент развития страны того требует?

— Безусловно. И мне хотелось бы процитировать в связи с этим одну замечательную фразу Николая Заболоцкого: «Душа обязана трудиться — и день и ночь, и день и ночь...». Активная позиция необходима, и точек приложения более чем достаточно...

— Тогда обратимся к более подробному знакомству с одним из интересных представителей потомственной интеллигенции, ставшему серьезным литературоведом и блестящим телеведущим. А именно — к Святославу Бэлзе.

— Ну, как торжественно, я не стою этого...

— Стоите, и прекрасно об этом знаете сами. Что есть, то есть. Так как же это все началось — ваш путь в музыку? Понятно, папа — виднейший историк культуры и музыки, профессор консерватории, энциклопедически образованный человек. Мама — историк музыки, автор книг о Сметане, Глиэре, Дворжаке, Мясковском... Конечно, мальчишка тоже готовился к музыке, ведь так?

— Так. Но, знаете ли, музыкальную школу я так и не закончил, а умные родители не стали на меня давить. Меня вводила в музыку, так сказать, домашняя консерватория, люди, которые у нас постоянно бывали, музыканты самого высокого полета. А я все впитывал, как губка, что не помешало мне поступить на славянское отделение филфака МГУ изменив надеждам семьи.

— Правда ли, что вы начали печататься еще до университета?

— Правда, моя первая работа была опубликована, когда мне исполнилось восемнадцать лет, и была посвящена польским связям князя Вяземского. Польские связи меня интересовали очень, а потому и дипломная работа по архивным материалам была о Валерии Брюсове и его польских контактах. После МГУ я поступил в Институт мировой литературы, где работаю и по сей день...

— А как же вы появились на телеэкране?

— Разовые появления у меня были в «Круге чтения», в программе «Добрый вечер, Москва!» — благодаря тому, что я всегда очень интенсивно занимался журналистикой. Был корреспондентом «Литературки», обозревателем «Недели», много ездил по стране,

путешествовал и за рубежом. Поэтому Юра Сенкевич и пригласил меня в «Клуб кинопутешественников» — самую популярную тогда телепередачу — рассказывать о Франции, Италии, Дальнем Востоке. Вот он и есть мой крестный отец на телевидении. А потом, семь лет назад меня пригласили вести «Музыку в эфире», поскольку, как я уже говорил, мои усы уже примелькались на телевидении, и хотели, чтоб передачу вел человек, говорящий не на птичьем языке музыковедов (простите!), а на общедоступном, дабы максимально приблизиться к зрителям. Так и пошло...

— В чем, на ваш взгляд, секрет популярности «Музыки в эфире»?

— Я стараюсь говорить о вечном в музыке. За эти годы в передаче побывали первостатейные музыканты и интеллигенты. Я стараюсь не упустить ничего нового и интересного для зрителей.

— Вы так говорите о музыке, будто она — единственное, что есть в вашей жизни. Как это удается?

— Опять-таки — домашняя консерватория. Пока друзья гоняли на футбол, меня тащили в консерваторию и Большой театр. Вот это легкое принуждение дало со временем свои плоды. Я все слушал, впитывал, повторяю, постоянно дома. И у нас гигантская библиотека по всем областям искусства, в том числе и музыке. Книжки помогают, когда есть навыки.

— Когда вы успеваете читать? Ведь у вас в сутках 24 часа!

— Иногда мне кажется, что больше. Всегда читаю перед сном. Яркое выраженная сова... Только что поставил новый книжный стеллаж на 40 полок. Кстате, мой любимый кот Бастик-второй очень поощряет мои ночные книжные бдения и великодушно разрешает мне поспать, когда все-таки выдается на то возможность.

— Что для вас значит кот? Я задаю этот вопрос как заядлый кошатник.

— Еще бы, вот оно рядом, ваше сокровище с поразительными глазами! Между прочим, все норовит ко мне на колени. Чует, что на кошатника напал. Так вот. Я рос с котом Бастиком-первым, который прожил почти 18 лет. Бастиком отец назвал его в честь египетской богини Баст — покровительницы котов. Кот для меня очень много значит. Я при нем работаю, я по нему скачу, как по маме и сыновьям. Кот уже сам придумывает свои ритуалы, которым заставляя меня следовать. Недаром эту светлую братию воспевают в литературе — от Гофмана до Бодлера. Без kota жизнь у меня была бы гораздо пустее...

— Ну, ладно о котах. Вернемся к основной нашей теме. В чем вы видите роль ведущего в телепередаче?

— Прежде всего я всегда подчеркиваю, что я — не музыковед. Я стараюсь не выпячивать роль ведущего, всегда быть слегка в тени. И горжусь, что не только я веду передачу, но и передача ведет меня. Это касается не только «Музыки в эфире», но и других программ моего творческого объединения. «Новые имена», «Звезды в Кремле». Да и передачи об эстраде и эстрадных исполнителях, о джазе я стараюсь вести в том же «жанре»...

Любимый жанр — эссе... Моя задача — приблизить лучшую музыку к лучшему исполнению к максимальному количеству зрителей. Это отчасти уже удалось. И если после «Клуба кинопутешественников» меня стали узнавать в метро, то теперь, например, в аэропорту в Магадане, куда я летал к Вадиму Козину, меня ткнул в грудь бравадный десантник: — Музыка в эфире!.. — Я был, признаюсь, польщен...

— Кажется, вы уже встречались со всеми знаменитостями...

— Нет, не со всеми. Не было, например, у меня еще прямого контакта с Доминго...

— А если б можно было оживить великих, с кем бы вы хотели поговорить?

— Со многими. С Пушкиным. С Дюма. Мушкетерский дух мне не чужд... Со Скрябиным... Но с гениями непросто — это я понимаю.

— Случается, трудно найти контакт?

— Иногда контакт проходит кожей. А бывает, когда нужно разработать и заработать это право на глубину, а не светскую беседу. Я могу похвастаться, не называя имен, что получалось даже с самым «неговорунами». Знаете, когда задаешь нешаблонные вопросы, показываешь знание материала и заинтересованность, легче найти отзвук в собеседнике...

Мы разговаривали почти пять часов в перерыве между съемкой и монтажом — ночным! — передаче о Тото Кутуньо. В каждую минуту Бэлзу могли вызвать в «Останкино». Но мне везло: монтаж откладывался. И поэтому пересказать весь наш разговор немислимо. Говорили о возрастающей роли меценатства в наши дни. О той реальной помощи, какую могут оказывать или уже оказывают банки, фирмы, отдельные предприниматели культуре и искусству.

— Правда, пока это еще только крохи. Но не надо забывать, что спонсорство включает в себя еще и рекламу. Может, со временем будет лучше развиваться наша экономика, будет больше богатых людей, а потому и поддерживать искусство будут больше... Есть же счастливые примеры. Спиваков поддерживает в основном талантливых детей. Есть фонд культуры Кредобанка по главе с певицей Натальей Троицкой. На деньги «ЛОГОВАЗА» создан фонд Башмета, который дал свою первую премию имени Шостаковича блистательному скрипачу Гидону Кремеру (он один из героев моей передачи «Звезды в Кремле»). Кстате, хотя мое творческое объединение в основном работает без спонсоров, наши «Звезды в Кремле» поддерживают Уникомбанк, его благотворительный фонд... Но все это — я о меценатстве! — только начало, которое должно быть дано очень доброе, бескорыстное и необходимое нашему искусству продолжение. Я на это надеюсь.

— Смогли бы вы сейчас отказаться от музыки?

— От музыки я никогда не отказывался. Но не думал, что она будет моей профессией. Я по-прежнему считаю музыку своей любовью, а литературу — женой...

— И поэтому вы сейчас не женаты?

— Да кто же вытерпит такой мой образ жизни, когда я то в поездке, то на съемке, то на монтаже, а если и попадаю домой, то утыкаюсь в книги! Мама терпит — и на том спасибо, слава Богу!..

— Довольны ли вы своей карьерой?

— Я считаю, это не карьера, а жизнь... Я доволен своей жизнью. Я занимаюсь тем, что мне интересно. Так счастливо сложилась судьба, что то, что интересно мне, интересно многим. Даже большему числу людей, чем мы первоначально предполагали. И мои постоянные поездки по стране подтвердили: музыка — неременное условие существования.

— Чего вам не хватает?

— Мне не хватает времени... Грех жаловаться на судьбу. Я приобщен действительно к высшим духовным ценностям современности. Это не моя заслуга. Так уж получилось.

— Кто вы по гороскопу?

— Телец. А по восточному — Лошадь. Знак основательный, как я понимаю. Работоспособный. И упрямый. Меня трудно вывести из себя, но уж если меня выведут из себя!.. (Смеется).

— Без какой книги, на ваш взгляд, немислима жизнь современного человека? Могли бы назвать одну такую?

— Могу. Без Библии трудно вообще представить себе всю дорогу человечества...

— Что бы вы хотели себе пожелать?

— Дай Бог, чтобы дальше не хуже все было!.. И я пожелал бы себе нравиться москвичкам, памятуя Лафонтена, говорившего, что мужчиной можно считать только того, кто нравится женщинам...

— Вы нравитесь не только москвичкам, могу вас уверить...
— Но читательницам «Москвички» хотел бы нравиться прежде всего...

